

Фельетонъ „Одес. Нос.“

16 апреля 1893 года.

Литературное обозрѣніе.

«Разсказъ неизвестнаго человѣка» — А. Чехова, «Русская Мысль» №№ 2 и 3.

Последнее произведение А. Чехова «Палата № 6» носило на себѣ глубоко пессимистическій характеръ. Въ немъ не было ни проблеска надежды, не заключалось даже намека на возможность какого-либо, хотя-бы самого маленькаго, счастья въ кашемиръ міръ. Но прочтеніи этого произведенія вѣсь охватывало безнадѣжное отчаяніе. Міръ, этотъ прекрасный Готтій міръ съ его солнцемъ, съ его голубымъ небомъ, зеленью, пестрыми волнъ, съ его грезами, иллюзіями, міръ полный радости, полный любви, полный вѣры въ конечное торжество правды, вѣры въ человѣчскій прогрессъ, — оный, этотъ міръ, исчезалъ у васъ изъ глазъ и застилался мрачной, темной, угрюмой тѣнищей, въ которой топились въ страшныхъ мукахъ человѣчскія существа. «Палата № 6» — это былъ, по ученію г. Чехова самъ міръ, весь міръ. Сторожъ Никита являлся въ этой палатѣ или въ этомъ мірѣ представителемъ фатализма, тяготеющаго надъ пылающимъ, рвущимся къ свѣту, къ свободѣ умомъ человѣческимъ. Онъ былъ злымъ началомъ, Ариадномъ, убивающимъ всякое проявленіе живого, энергичнаго протестующаго человѣческаго чувства. Сторожъ Никита являлся побѣдителемъ, протестующій Андрей Ефимовичъ являлся побѣжденнымъ. За то, что онъ хотѣлъ мыслить, хотѣлъ двигаться впередъ, онъ получилъ наказаніе отъ Никиты. И не было никого, кто-бы утѣшилъ Андрея Ефимовича въ ту ужасную ночь, когда онъ, избитый до крови, лежалъ на кровати. А потомъ наступила смерть, ужасная, реальная смерть (реально написанная, какъ филологическій актъ, г. Чеховымъ). Когда умеръ Андрей Ефимовичъ, его взяли, взяли, взяли-и-бѣду-идеи, и вонесли

въ часовню. Тамъ онъ лежалъ, мертвый, холодный, свѣщенныи холодомъ луной. Какого-же смысла были въ его борьбѣ съ Никитой? Къ чему послужило его стремленіе вырваться изъ душной палатной комнаты на свѣжій воздухъ? Теперь онъ лежалъ холодный въ часовнѣ, получивъ должное наказаніе за свой протестъ.

Герои новаго произведенія А. Чехова протестовать не намерены. Они, пожалуй, сознаютъ, что живутъ въ душной палатной комнатѣ, но вырваться оттуда у нихъ нѣтъ ни силъ, ни желанія. Илюди въ день они такъ и крошавутъ всю свою жизнь. Отъ этого новое произведеніе г. Чехова, конечно, нисколько не теряетъ своего такого-же глубоко пессимистическаго характера, какъ и «Палата № 6». Этотъ пессимистическій характеръ въ новомъ произведеніи г. Чехова даже еще болѣе углубленъ, чѣмъ въ «Палатѣ № 6». Андрей Ефимовичъ все-же рвется на волю и хотя не достигаетъ цѣли, но онъ протестуетъ, а герои «Разсказа неизвестнаго человѣка» совсѣмъ такъ и не рвутся никуда. А когда ихъ упрекаютъ въ этомъ, то они сами сознаются, что ихъ жизнь «испорчена, испорчена, не годится ни къ чорту, и начать новую жизнь мѣшаетъ трусость».

Одинъ изъ героев разсказа, Орловъ, говоритъ вотъ что:

«А вовсе не проповѣдую равнодушія, а хочу только объективнаго отношенія къ жизни. Чѣмъ объективнѣе, тѣмъ меньше риску впасть въ ошибку. Надо смотрѣть въ вѣренъ и искать въ каждомъ явленіи причину всѣхъ причинъ. Мы ослабли, опустились, или, наконецъ, наше поколѣніе вслѣдствію состоитъ изъ вѣрастениковъ и антиковъ, мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи, по виноваты въ этомъ не мы и не я; мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба цѣлаго поколѣнія. Тутъ, надо думать, причинъ общія, большія, имѣющія съ точкой зрѣнія биологическую свою сложную liaison d'être. Мы вѣрастеники, кисели, отступники, но, быть можетъ, это нужно и полезно для такихъ поколѣній, которыя будутъ жить послѣ насъ. Имъ единымъ волею не падаетъ съ головы бѣлая коса Огдѣ Небеснаго. — Другая сло-

С.2.

ним, в природе и в человеке среди ничего не творится зря. Все обречено и все необходимо. А если так, то зачем же нам особенно беспокоиться и быть себе поперек?»

На этот-то и то трона философия Орлова. «Все обречено и все необходимо». Орлов является в романе представителем высшего сословия в стране. Оружаница его лица, как и напр. Печерский, принадлежит к тому же сословию. Мы вправе ожидать от этих представителей культуры высшего сословия умных слов и умных дел. Ведь они составляют интеллигенцию страны. Но что же мы видим? Мы видим, что Орлов, Печерский и другие жуируют самыми отчаянными образом: карты, вино, женщины; вино, женщины, карты; женщины, карты, вино,—рог их кругозор и в этом заключается весь смысл их жизни.

И, пессимизм г. Чехова не в этом только выражается. Разочароваться в одном сословии можно, имея определенный идеал в чем-либо другом. Будем же искать в новом произведении г. Чехова этого «другого». Но прежде чем искать, передадим вкратце содержание: «Рассказ неизвестного человека». Этот неизвестный человек интеллигент и имеет определенные цели в жизни. Ради этих целей он поступает в лакея к богатому господину Орлову. Орлов, как мы сказали выше, жуирует и больше ничего. На своем вьку он имеет довольно любовных историй и имеет такую-же историю теперь с пткою Зинаидой Теодоровной Красновской, замужней дамой. Герой рассказа, служащий в лакеях, носит записки от Орлова к этой даме и обратно. В один прекрасный день Зинаида Теодоровна бросает своего чиновного мужа и переезжает на житье к Орлову. Зинаида Теодоровна—натура хорошая и честная и глубоко увлечена Орловым. Он же никак не способен чувствовать к ней не только и ее скороназительный переезд к нему на квартиру приводит к познанию безразницы его холостую

систему жизни. В скором времени после переезда на квартиру к Орлову Зинаида Теодоровна начинает понимать ложность своего положения, но бросить Орлова она не может, так как безумно его любит. Орлов с удовольствием препитает беззащитную слащавую даже любовную историю, но он слабохарактерен и не может грубо оборвать эту связь. Он обманывает Зинаиду Теодоровну. Сказав, что по делам ему нужно уехать из города на несколько дней, он берет чуждамы и переезжает к своему знакомому, с которым кушит и в карты играет. Только лакей знает, где багнит находится. Зинаида Теодоровна в отчаянии. И по цылым дням плачет. Нашему герою, нанавшемуся в лакея, становится жалко Зинаиды Теодоровны, убивающей по не стоящему ей виноватой Орлова, да и не советует он разлучить к ней (хотя сам не сознает этого),—и он открывает ей всю правду насчет Орлова. Он также объясняет ей, что он не лакей, а нанался к Орлову для известных целей. Теперь же он оставляет свой лакейский фрак, который его тяготит. Он уговаривает Зинаиду Теодоровну бросить Орлова, и всю среду, окружавшую ее, и бить.

Бедная женщина, ошеломленная известием об Орлове, соглашается на это. Наш герой произносит цылую красивую тираду по адресу Орлова и его товарищей, не пошивших, не отпавших Зинаиду Теодоровну, не разглядывших ее души.

«Нехороший, гнилой здесь воздух, — говорит он. Этих истасканных джентльменов нужно вы только, когда бываете порядки, остроумны, фальшивы и ловко обманывают своего мужа, а порывы, чистота, ясный ум, честные взгляды—это тургеневщина, плохая повесть, это скучно и нбнать жить. Вы или к Орлову и дунали, что исполняете свой долг, а вы осмивали и опивали в первый же день; вы, в простоту сердечной, воображали, что вы идейный человек, а на самом деле вышло, что вы сбитная, казюгливая любовница, от которой ничто не отделяется. Вы—злая

с.2.

жизни. Бесну Петербургу уже известно, что у него, у бедняги, по нашей мысли и нраву уже соотнесенной квартиры; он недоволен и старается громче слышаться, потому что ему стыдно, стыдно, что он так слабо влился, не предусмотрев скандала, то есть нашего перепада к нему. Жить с этими людьми, любить их, любить с ними общее — значит играть жалкую, уничижительную роль. Подальше от них!

И герой предлагает Зинаиде Теодоровне идти в иную среду. Та согласна, она на все согласна. Она видит, что перед ней стоит человек с большой силой воли, энергичный. Говорит он красиво, увлекательно об этой другой среде. Может быть и в самом деле он даст ей иное содержание в жизни, чем то, которым она пользовалась до сих пор. И она идет за ним. Вот они за-границей. Здесь, присмотревшись ближе к герою, увлеченному ее, Зинаида Теодоровна видит, что содержания в жизни, так странно вдруг опустившей для нее со времени разрыва с Орловым, — он дать не может. Он слабосилей, он слаб и духом и телом. Таков герой увлечший ее. Она разочаровывается и в нем самом, и в том деле, которому он служил. И здесь, значит, пусто. И здесь, значит, бездельно. А она уже устала жить и искать нового. И Зинаида Теодоровна отравляется.

И так, мы видим, что в жизни Некрасова, Орлова и всей интеллигенции, фигурирующей в рассказе г. Чехова нет никакого смысла, есть только ужасная нравственная пустота, прикрытая пропойей. О, эта пропойя! Живая, свободная, бодрая мысль пытлива и властна; для ленивого, праздного ума она невыносима. Об этой пропойе, прикрывающей нищету жизненного содержания наш герой в своем письме к Орлову говорит:

«Чтобы мысль не тревожила вашего покоя, вы, подобно тысячам наших сверстников, поспешивши сколodu набросить на нее халат, поставили в условные рамки, называемые ли этот халат на нашем петербургском языке прощесским отношением к жизни, или как угодно иначе, но

халат остается халатом и сдержанная принужденная мысль не смейте прыгнуть через тот помпадур, который вы поставили ей. А когда вы при ней примитесь надъ идеями, которые яко-бы есть нравственно, то я увижу в вас деспотизма, который поворно бьется с вами битвы, но, чтобы заглушить совет, свистит надъ идеей и надъ храбростью. Ценность заглушается болью. В какой-то новеллы Достоевского старик топчет ногой портрет своей любимой дочери, потому что он перед ней неправ, а вы гадко и пошловато поспешиваетесь надъ идеями добра и правды, потому что не в силах вернуться к ним. Всякий искренний и правдивый начет на наше падение страшишь нас, и вы нарочно окружаете себя людьми, которые уживут только льстить нашим слабостям».

Этому другу нашей интеллигенции как-бы противопоставляет сам герой рассказ. Обратился к нему. Как он сам относится к себе? В цитируемом нами письме он характеризует себя таким образом:

«Я болен, слаб и нравственно угнетен». «Отчего я раньше ослабел и устал, — говорит он несколько дальше, — объяснить не трудно. Я подобно библейскому сыну подиал на себя Газские ворота, чтобы отвести их на вершину горы, но только когда уже изнемог и на вьюх простился со своею молодостью, замечая, что эта ворота мои не по плечам и что я обманул себя. Къ тому-же, у меня была непрерывная, жестокая боль. Я испытывал голод, холод, больши, лишение свободы; личного счастья я не знал и не знаю, приюта у меня нет, воспоминания мои тяжки и совесть моя часто бьется их».

Вот как безошибочно характеризует себя герой. Но не смотря на то, что он ясно сознает, что уже изнемог, и что Газские ворота ему не по силам нести, он не объясняет этого Зинаиде Теодоровне, когда увлечает ее от Орлова в иную среду. Положим, он в эту минуту сам увлечен. Он забыл, что он слабосилей и не в силах помочь растерявшейся женщине. Но первый минуты увлечения ведь проходят. Они живут в Венеции, где Зинаида Теодоровна пылко приходит в себя от петербургской катастрофы. Тут-бы и объяснить ей, показать сафидало, что Газские ворота

C.2.

зан Зинаида Федоровна ему не по силам, но что то дѣла, и тѣмъ онъ служить, отъ этого нѣтъ на терять въ своей привагательности. Но ничего подобнаго не происходить. Онъ сидитъ въ Венеціи и молчитъ. Молчитъ и она въ ожиданіи, что онъ, этотъ герой, оторвавшій се тѣмъ красной и увлекательной рѣзью съ Орава и Петербурга, что нибудь скажетъ хорошее, поведетъ ее къ чему нибудь свѣтлому. Ничего подобнаго. Онъ ограничивается тѣмъ, что рассказываетъ ей длинныя исторіи изъ своего прошлаго. И такъ какъ это прошлое глубоко интересно, то она слушаетъ рассказъ нашего героя съ большимъ вниманіемъ и котируетъ руки, «какъ будто съ досадою, что ей не удалось пережить еще такіхъ же приключеній, страха и радости». Но прошлымъ вѣдь жить нельзя. Нужно содержаніе для настоящаго. А такъ какъ его нѣтъ, то героиня постепенно начинаетъ разочаровываться и въ героя, и въ тѣхъ идеяхъ, которыя онъ проповѣдывалъ. Наконецъ, она додумалась до того, что пошла объясниться съ героемъ. «Позвольте мнѣ поставить ребромъ вопросъ: что мнѣ тутъ дѣлать, и что я буду дѣлать?» Но тотъ не находить отвѣта. Зинаида Федоровна продолжаетъ:

— Владимиръ Ивановичъ, если вы сами не вѣрите въ дѣло, если вы уже не думаете вернуться къ нему, то зачѣмъ... зачѣмъ вы тащили меня изъ Петербурга? Зачѣмъ обѣщали и зачѣмъ возбудили во мнѣ сумасшедшія надежды? Убѣжденія ваши измѣнились, вы стали другимъ человекомъ, и никто не виноватъ въ этомъ—убѣжденія не всегда въ нашей власти, но... но, Владимиръ Ивановичъ, Бога ради, зачѣмъ вы не испречитесь? Когда я эти мѣсяцы мечтала вслухъ, бредила, восхищалась своими планами, перестраивала свою жизнь на новый ладъ, то почему вы не говорили мнѣ правду, а молчали, или поощряли разсказами и держаи себя такъ, какъ будто вполнѣ сочувствовали мнѣ?

Но что-же герой отвѣчаетъ? Ему показалось, что она запознать. Да и было отчего плакать. Предъ нимъ стояла, требующая отвѣта, женщина, полная силъ и энергіи и желающая сдѣлать что нибудь хорошее и честное, а только несчастная

руководитель духовнаго, а онъ принужденъ былъ ей сознаться въ своемъ паденіи духовнаго банкротствѣ, сознаться въ томъ, что онъ не вѣритъ, утопленникъ пасть духомъ... Но если онъ самъ унываетъ, то и есть онъ унываетъ ей, въ крайней мѣрѣ, къ кому обратиться. Пусть научитъ ее. «Согласитесь, говоритъ она, вѣдь я живой, чувствующій и разсуждающій человѣкъ»...

Въ этомъ объясненіи съ Зинаидой Федоровной нашъ герой играетъ крайне жалкую роль. Сначала онъ отбѣлываетъ общими фразами, говоря, что «не только свѣту, что въ окошѣ», что «сирѣ идей широкъ и неисчерпаемъ». Потомъ онъ ухватывается за ту мысль, что назначеніе человека заключается въ сакраментальной любви къ ближнему и хочетъ развить ее. Зинаидѣ Федоровнѣ, ко смущается и въ отчаяніи машетъ рукой. Совѣсть, совѣсть жалокъ нашъ герой. Въ прошломъ—Орава, въ настоящемъ—Владимиръ Ивановичъ и ни одного человека, могущаго помочь утопающей героинѣ. Смыслъ въ жизни ея потерянъ. У ней родится ребенокъ отъ Орава. Въ воспитаніи ребенка она могла-бы найти терпимое ея содержаніе. Но она, повторяемъ, устала, страшно устала. Ей захотѣлось умереть, чтобы не видѣть за Орава, на Владимира Ивановича, никого.

И такъ, г. Чеховъ намъ не даетъ въ своемъ новомъ произведеніи ни одного свѣтлаго положительнаго мужского типа. Это произведеніе замечательно тѣмъ, что оно представляетъ, какъ и «Палата № 6». Герой а-ля Орава, Пекларій и др. потерявъ смыслъ жизни, фактически нищету своего содержанія пропелъ. Владимиръ Ивановичъ, потерявъ смыслъ въ жизни, безпомощно машетъ рукой и хочетъ плакать; Зинаида Федоровна, потерявъ смыслъ, отравляется.

П. Гайда Вильфредовичъ